

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ П.И. ЖИТЕЦКОГО “ОЧЕРК ЗВУКОВОЙ ИСТОРИИ МАЛОРУССКОГО НАРЕЧИЯ”

Стаття присвячена аналізу ролі, місця та функцій метафори в науковому тексті (на матеріалі монографії П.Г. Житецького “Очерк звуковой истории малорусского наречия”). Також аналізуються причини виникнення метафор у науковому тексті.

Ключові слова: науковий текст, метафора, термінологічна метафора, метафоричність мови науки, наукове пізнання.

Статья посвящена анализу роли, места и функций метафоры в научном тексте (на материале монографии П.И. Житецкого “Очерк звуковой истории малорусского наречия”). Также анализируются причины возникновения метафор в научном тексте.

Ключевые слова: научный текст, метафора, терминологическая метафора, метафоричность языка науки, научное познание.

The article is devoted to analysis of role, place and functions of metaphor in scientific text (on the basis of the monograph by P.G. Zhiteckij “Essay of sound history of malorussian dialect”). Reasons of origin of metaphors in scientific text are also analyzed.

Key words: scientific text, metaphor, terminological metaphor, the metaphorical language science, scientific cognition.

Изучение роли и места метафоры в языке науки имеет неоднозначную историю, начинающуюся с работ Демокрита, Аристотеля. Отношение к употреблению метафоры в научном тексте менялось в зависимости от характера научной области, от общего контекста, от взглядов автора и т. д. То есть, метафорическое словоупотребление в научных текстах связано как с объективными факторами (контекст, сфера знания), так и с субъективными (взглядами автора и его пониманием природы метафоры).

Долгое время использование метафоры в научном тексте было недопустимо. В современном языке науки отношение к метафоре изменилось. Становление концепции научной метафоры связывается с периодом разрушения представления о метафоре как устойчивом тропе, целью использования которого являлось повышение экспрессии высказывания. Именно в этот период метафора впервые попадает в центр интересов исследователей языка науки и научной коммуникации.

Метафоризация в науке, по мнению Л.М. Алексеевой, обусловлена и объяснима внутренними стимулами развития самой науки. Исследовательница утверждает, что в качестве критерия научности в современных исследованиях «выступает не столько строгая логичность и определенность, а как ни парадоксально, метафоричность, являющаяся следствием метафоричности выдвигаемых наукой гипотез. Содержанием процессов терминопорождения, номинирующих новые концепты, становится метафоризация, требующая серьезного и глубокого изучения» [1: 9]. Таким образом, Л.М. Алексеева рассматривает употребление метафоры в языке науки и научной коммуникации не как отклонение

от нормы, а как вполне закономерное и естественное явление, объяснимое развитием самой науки в целом и языка науки в частности.

Изучая процесс метафоризации в науке, Г.Г. Кулиев называет его «актом мутации научной мысли» [2: 29]. При это исследователь не склонен соотносить метафоризацию лишь с особенностями современного этапа в развитии науки. Он полагает, что метафорическим языком написаны наиболее значительные эпизоды в истории науки: «по уловным метафорам можно восстановить картину исторических мутаций в науке (и языке науки). Подобно археологам, возрождающим в ходе исследования руин прошлое человеческой культуры, так и ретроспективный анализ «метафорических руин» (мертвые метафоры науки: *сила, поле, масса* и др.) воссоздает прошлое науки» [там же: 29].

Кроме того, метафоры не противоречат исследовательскому разуму, поскольку они заложены в основе мыслительной деятельности. По утверждению Д. Лакоффа и М. Джонсона, «процессы мышления человека в значительной степени метафоричны», а «метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР – ЭТО ВОЙНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты)» [3: 390]. Таким образом, присутствие метафоры в научных текстах мотивированно как общелингвистической тенденцией развития языка в целом и языка науки в частности, так и метафоричностью мышления как свойства личности.

Роль личности в процессе метафоризации можно определить как ключевую, поскольку субъект метафоризации, выбирая основу переосмысления, эксплицирует, в первую очередь, то, что является понятным ему. При таком подходе метафора представляет собой реализацию категории, в которой находят отражение мыслительные, языковые и культурные процессы, типичные для языковой личности определенного периода развития общества, языка, культуры. Метафоры используются, как правило, тогда, когда теория находится на стадии формирования. Существование теории «на грани метафоры», по мнению Л.В. Сурковой, свидетельствует о том, что весь возможный потенциал строго логического мышления задействован и необходимы средства иного плана, то есть понятия, в основе которых – образы, символы [4: 57]. Именно возможность формирования новых идей, понятий и т. д., в том числе научных, относится к определяющей характеристике научных метафор.

Рассмотрим, как представлена метафора в монографии П.И. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Под метафорой будем понимать механизм речи, состоящий в перенесении наименования того или иного предмета (явления и пр.) на другой предмет (явление и пр.) на основании их сходства (аналогии) в каком-либо отношении. То есть, любое переосмысление и его результат толкуем как метафорическое. Большую группу в монографии П.И. Житецкого составляют антропоморфные метафоры, модель которых можно представить как «действия, состояния человека → действия, состояния отвлеченных понятий, мысленных конструкций и т. п.». Это связано с тем, что преобладающим принципом познания мира является антропоцентризм и антропометричность. Введение понятий антропоцентричности и антропометричности в широкий лингвистический обиход прочно связано с именами А. Вежбицкой [5] и В.Н. Телия [6], ранее на свойство «очеловечивать», то есть на антропоморфизм указывал при изучении метафоры С. Ульман, и относил тип метафор, основанных на таком мировосприятии, к немногим «панхроническим», то есть свойственным всем языкам на всей протяженно-

сти человеческой истории [7]. Наиболее типичными моделями метафорической антропоморфной номинации ученые называют такие модели, как: 1) Термины родства > отношения производительности, иерархической зависимости, однотипности: *материнское предприятие, новое поколение автомашин, семейство программ* и другие; 2) Термины родства > номинации лиц по занятию, профессии; опытности, бывалости: *дед* – старший механик на судне и солдат перед демобилизацией; 3) Качества, состояния, действия человека / над человеком > качества, состояния, действия артефактов, мысленных конструктов, отвлеченных понятий, социальных групп и объединений, организаций, техники (*разуть* машину, *память* компьютера); 4) Лицо > объединение лиц, организация, страна: страны-партнеры по НАТО [см., напр.: 8: 245 – 246]).

Антропоморфная метафора проявляется в ориентации на сферу человека. Данные метафоры образованы по принципу олицетворения, когда неодушевленное явление получает свойства одушевленного. В них реализуется модель «языковой объект действует так, как если бы действовал человек». Например: «*Предание, занесенное в начальную летопись, гласит, что по смерти Кия с братьями, поляне «были обижены Древлянами»* [9: 33]; «*Города отстраивались и улучшались, потому что Витольд давал щирокие привилегии горожанам»* [9: 274]; «*При всем этом, диалекты, начавшиеся еще в период праязыка, продолжают свой рост, независимо от исторического течения, охватившего один из них»* [9: 30]. П.И. Житецкий, изучая различные явления, ставшие предметом научного познания, для их описания использует наиболее известные из собственного опыта слова и тем самым приписывает данным явлениям свойства живых существ, в результате чего они приобретают способность действовать самостоятельно. Следует отметить, что в подобных примерах именно глагол становится средством, эксплицирующим базовые признаки, которые стали основой научной абстракции. Только с помощью глаголов *гласит, отстраивались, улучшались, продолжают*, наделяющих представляемые понятия активностью живых существ, исследователю удается более точно описать сущность происходящих процессов.

Процесс образования звука в небной области П.И. Житецкий описывает так: «*Причина заключается в том, что этот звук сам зарождается в небной области, близко к той точке, где соприкасается задняя часть языка с небом для образования небогортанных»* [9: 231]. В данном контексте звуку «приписываются» чисто человеческие действия так, как если бы “звук был живым и мог, как все живое зарождаться”. Частотность подобной метафорической модели в анализируемом тексте позволяет говорить об ее «обычности» для носителей языка в исследуемый отрезок времени.

Терминологизированные метафоры антропоморфного характера также встречаются в тексте монографии, в которых реализуется модель «языковой объект является таким, как если бы был человеком». Группу языков, объединенных на основе общих признаков, П.И. Житецкий называет *семейством языков*: «... *замечательное явление в трех северо-восточных семействах языков (немецком, литовском и славянском), на смешение во многих корнях ...»* [9: 70]. Слово *семейство* в этот период зафиксировано с двумя значениями: “1. Малое общество людей, происшедшее от одной четы... 2. В естественной истории: отряд, представляющий совокупление сходных между собою тел” [10, т. 4: 245]; “... совокупность близких родственников, живущих вместе... || В естествн. истории: разряд подобных и средних, схожих...” [11, т. 4: 173]. Таким образом, в словосочетании *семей-*

ство языков реализуется антропоморфная модель «одушевленное → неодушевленное», которую можно описать так: “между языками прослеживается общее происхождение, родственные связи, как если бы они были живыми существами и находились в родственных отношениях, имели общие генетические корни”.

Первоначальный язык, из которого произошли другие языки, П.И. Житецкий называет *праотцем языков*: «Она (мысль – И.С.) опирается в этом случае на сравнительный метод, отвлекая от нескольких языков одного семейства общие элементы, совокупность которых считается фиктивным праотцем всех этих языков» [9: 315]. Как отмечает В.И. Даль: “ПРА, предлог слитный, бол. с имен. сущ., означающий родство или связь в дальнем восходящем или нисходящем порядке, предков или потомков, а иногда простое предшествование чему по времени, или исконный, начальный, и пр.: Праотцы наши; правнуки нынешнего поколения” [11, т. 3: 377]. Таким образом, в словосочетании *праотец языков* реализуется антропоморфная модель метафоры «одушевленное → неодушевленное», которую можно описать так: “у языков прослеживаются такие свойства, как если бы у них был общий предок”.

Антропоморфная номинация представлена и многочисленными терминологизированными метафорами, связанными с концептом жизнь: «Таким образом, в самых первых проявлениях самостоятельной жизни русского языка мы замечаем стремление восстановить полноту гласных элементов, утраченную еще в доисторическую эпоху» [9: 153]; «Нет языка, который бы в разнообразии своих наречий не удержал стадий, давно уже им пережитых» [9: 47]; «Всякий живой язык, находящийся в процессе развития, представляет в своем организме более или менее пеструю смесь позднейших наслоений ...» [9: 20]. В данных примерах термин *язык* представлен так, как если бы “у языка была жизнь, как если бы он был биологически живым организмом”.

Глухие и начальные звуки показаны так, как если бы “они были живыми и могли бы жить, как живое существо”: «Начальные звуки могли жить рядом со своими наследниками в одно и то же время, - между тем, вырывая отдельные факты из целого строя древнерусских наречий, о которых положительных сведений в науке нет, легко приписать ту или другую черту тому наречию, которому мы хотим отдать предпочтение в каком-нибудь отношении» [9: 98]; «С этой точки зрения, можно допустить, что глухие звуки жили в праязыке русском, но как явление второстепенное, ...» [9: 66]. Таким образом, наши наблюдения подтверждают вывод, сделанный Ю.С. Сорокиным о том, что языковые объекты описания сравниваются с живыми организмами и т. п., а представленные метафоры иллюстрируют процесс создания новых оттенков значения общеупотребительного слова, который был характерен для литературной речи, начиная со второй половины XVIII в. Результатом этого процесса является возникновение следующих словосочетаний: *живой ум, живое воображение*, реализующих значение “легко, быстро и остро воспринимающий, впечатлительный” и т. д. [12: 521].

Исследователи метафоры отмечают, что чем конкретнее признак, ставший основой метафорического переноса, тем вероятнее возникновение и понимание терминологической метафоры. И наоборот, чем более абстрактен признак, используемый в качестве метафоризируемого, тем менее вероятность возникновения терминологической метафоры. Поэтому П.И. Житецкий для метафорического переосмысления абстрактных понятий использует лингвистические средства, основанные на привычных для носителей

языка признаках, не требующих для их понимания специальных знаний. Такие языковые средства очень часто представляют реалии повседневной жизни, демонстрируя взаимодействие обыденных и научных знаний в сознании носителей языка, которые в тексте представлены автором и адресатом. Например, абстрактное понятие *самосознание* ученый истолковывает через широко известную носителям языка образ воды: «*Процесс диалектического роста, накопляя массу новых оттенков, все более и более раздвигает этнографические границы первичного племени и первичного языка, пока, наконец, в одном из диалектов не пробьется новая струя самосознания, возбужденной работы духа, стремящегося овладеть окружающей действительностью*» [9: 30]. В описании лексического значения слова *струя* следует выделить сему “движение в определенном направлении”, которая актуализируется при переносном употреблении данного слова в терминологизированном словосочетании *струя самосознания*: “1) Поток крутящейся воды... 2) На тканях. ...Струя воздуха, света, зн. масса воздуха или света, движущаяся по особенному направлению” [10, т. 4: 500]. Поэтому метафорическую модель *струя самосознания*, можно представить как “самосознание движется так, как если бы двигался поток воды: от начала и далее вперед”. Именно такие метафоры позволяют говорить об индивидуально-авторском восприятии окружающей действительности и креативном потенциале ученого. Характеризуя абстрактные научные понятия, П.И. Житецкий использует хорошо знакомые, конкретные явления обыденной жизни.

В исследуемом тексте широко распространено переносное значение общеупотребительного слова *след* (*следы*): “Признак, показывающий прошедшее существование чего-нибудь...” [10, т. 4: 318–319]. Это значение реализуется в следующих метафорах: **следы произношения** «*Что касается русских наречий, то следов двоегласного произношения ы ни в древнейших памятниках, ни в областных говорах мы не находим; думаем, однако же, что в разныя ...*» [9: 132]; **след наслоений** «*Собственно говоря, мы не имеем права относить эту черту на счет древнеславянского наречия: она есть след диалектических наслоений, занесенных в самые древние памятники славянской письменности, и потому ...*» [9: 248]; **следы потрясений** «*Мы не сомневаемся в том, что этот язык образовался из древних элементов, но они никогда не могли сохранить своего первобытного вида в том крае, на котором история оставила глубокие следы потрясений*» [9: 290]; **следы комбинаций** «*На каждой странице древнейших памятников славянских и славянорусских встречаем резкие следы новых комбинаций между согласными звуками*» [9: 154]; **следы особенностей** «*Таким образом, здесь снимаются с языка явственно заметные следы конкретных особенностей не столько для того, чтобы в основе их открыть нечто общее, сколько для того, чтобы генетически найти многие частности, которые предшествовали многим другим частностям*» [9: 260] и др. Сочетание имен существительных, которые имеют абстрактный или конкретный характер, с именами существительными *след* (*следы*), которые имеют образное или переносное значение, способствует конкретизации данных понятий.

Таким образом, исследование метафоры в научном тексте ученого-филолога показало, что наиболее частотная метафорическая модель номинации, используемая в тексте монографии «Очерк звуковой истории малорусского наречия», отражает один из основных архаических стереотипов мировосприятия – антропоцентризм. Реализация данного стереотипа нашла выражение в использовании таких антропоморфных метафорических моделей, как «языковой объект действует так, как если бы действовал человек» и «языко-

вой объект является таким, как если бы был человеком». По нашим наблюдениям, первая модель представлена глагольной метафорой, вторая – адъективной.

Как показал анализ переносных значений слов, входящих в состав терминологизированных словосочетаний, П.И. Житецкий для метафорического переосмысления абстрактных понятий использует лингвистические средства, основанные на привычных для носителей языка признаках, не требующих для их понимания специальных знаний.

В метафорическом переносе воссоздан один из важнейших признаков, характеризующих природу метафоры – способность формировать новые понятия и языковые смыслы, исходя из имеющихся языковых смыслов. П.И. Житецкий с помощью метафоры расширяет возможности передачи новых смыслов, обеспечивает экономию языковых средств. Таким образом, метафора в тексте П.И. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» является одним из основных орудий научного познания, а процессы формирования, освоения и использования метафор в исследуемом научном тексте отражают как мыслительные процессы, свойственные автору текста, так и обществу в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М. Термин и метафора / Лариса Михайловна Алексеева – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. – 250 с.
2. Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание / Григорий Григорьевич Кулиев – Баку: Элм, 1987. – 157 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
4. Суркова Л. В. Сознание в квантовом мире: новый диалог философии и науки / Л.В. Суркова // Вестник Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 2007. – № 6. – С. 50–68.
5. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis / Wierzbicka A. – Ann Arbor, 1985.
6. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
7. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5. – М.: Радуга, 1970. – С. 250 – 293.
8. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование: монография / Нина Павловна Тропина – Херсон: Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.
9. Житецкий П. И. Очерк звуковой истории малорусского наречия: монография / Павел Игнатъевич Житецкий – К., 1876. – 376 с.
10. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 4-х т. Второе изд.-е. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1867.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981.
12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е годы XIX века / Юрий Сергеевич Сорокин – М., Л.: Наука, 1965. – 565 с.